

Сказка Туве Янссон " Мемуары папы Муми-тролля " Глава пятая

где я (после короткого испытания моей сообразительности) даю описание семьи Мюмлы–мамы и праздника больших сюрпризов, на котором я из рук Самодержца принимаю волшебные подарки

Я и по сей день твердо уверен в том, что дронт Эдвард хотел придавить нас своей задницей. Потом, без сомнения, он стал бы горько плакаться и устроил бы пышные похороны, тщетно пытаясь успокоить свою совесть. Но очень быстро забыл бы это печальное происшествие и уселся бы на каких–нибудь других своих знакомых, тех, на кого в ту минуту был зол.

Как бы там ни было, именно в тот решительный момент у меня родилась идея. Как обычно, в голове щелкнуло, и идея появилась на свет. Я храбро подошел к свирепой громадине и сказал, сохраняя спокойствие:

– Привет, дядя! Рад повстречаться с тобой снова. У тебя что, опять болят ноги?

– И ты осмеливаешься спрашивать меня об этом, водяная блоха? – проревел он. – Да, у меня болят ноги. Да, у меня болит хвост! А виноваты вы!

– В таком случае, – сказал я спокойно, – вы, дядя, очень обрадуетесь нашему подарку: это настоящий спальный мешок из гагачьего пуха! Он сделан специально для дронтов, которые всегда садятся на что–нибудь твердое!

– Спальный мешок? Из гагачьего пуха? – переспросил дронт Эдвард и близоруко взглянул на нашу тучу. – Вы, морровы щетки для мытья посуды, конечно, надуете меня. Эта подушка поди набита камнями...

Он вытащил тучу на берег и подозрительно обнюхал ее.

– Садись, Эдвард! – крикнул Фредриксон. – Тебе будет чудесно: мягко и уютно!

– Это ты уже говорил, – проворчал дронт. – Тогда ты тоже сказал: "мягко и уютно". А что было на самом деле? Самое что ни на есть колючее, жесткое, жутко каменистое, бугристое, корявое, морра его подери!..

Потом Эдвард уселся на тучу и погрузился в задумчивое молчание.

– Ну? – закричали мы нетерпеливо.

– Хрумф... – угрюмо сказал дронт. – Здесь, кажется, есть несколько довольно мягких местечек. Посижу еще немного и решу, надо вас наказывать или нет.

Но когда дронт Эдвард принял решение, мы были уже далеко от рокового места, где мог бы разыгаться последний акт моей одиссеи...

Очевидно, Незнакомая страна была страной круглых холмов. Вокруг нас, насколько мог видеть глаз, простирались их зеленые, поросшие травой шапки. Холмы пересекались длинными низкими стенами, сложенными из булыжника, над которыми, видно, кому–то пришлось немало потрудиться. А вот редкие домишки были большей частью построены из соломы и, по моему мнению, никуда не годились.

– Зачем они понастроили этих стен из булыжника? – удивился Юксаре. – Они что, кого–то там запирают или, наоборот, кого–то не пускают внутрь? И куда, впрочем, все они подевались?

Вокруг царила полная тишина, никаких следов взволнованной толпы, которая, казалось бы, должна нестись со всех ног, чтобы поглядеть на нас, узнать про бурю, восхищаться нами, посочувствовать нам. Я был сильно разочарован и думаю, что и другие разделяли мои чувства. Проходя мимо маленького домишки, который выглядел беднее остальных, мы услышали, что кто–то играет там на гребенке. Мы постучали четыре раза, но никто не отворил.

– Привет! – крикнул Фредриксон. – Дома есть кто–нибудь?

И тут послышался тоненький голосок:

– Нет, никого нет!

– Странно, – заметил я. – Кто же тогда разговаривает?

– Я, Мюмла, – отвечал голос. – Только вам нужно поскорее уходить, мне не велено никому отпирать дверь, покуда мама не вернется!

– А где твоя мама? – спросил Фредриксон.

– Она на садовом празднике, – ответил огорченно тоненький голосок.

– Почему же ты не пошла с ней? – удивился Шнырек. – Ты что, слишком маленькая?

Мюмла расплакалась:

– У меня болит горло! Мама думает, что у меня дифтерит!

– Открой дверь, – ласково сказал Фредриксон. – Мы заглянем в твоё горло, может, это и не дифтерит!

Дверь открылась. Перед нами с красными от слез глазами стояла Мюмла. Шея у нее была повязана шерстяным платком.

– Сейчас поглядим. Скажи "а–а–а"! – велел Фредриксон.

– Мама еще думала, что у меня сыпной тиф или холера, – мрачно пробормотала Мюмла и открыла рот: – А–а–а...

– Никакой сыпи, – сказал Фредриксон. – А горло болит?

– Ужасно, – простонала Мюмла. – Оно у меня срывается, ясно вам? И скоро я не смогу ни есть, ни разговаривать, ни дышать.

– Иди и сейчас же ложись в постель, – ужаснулся Фредриксон. – Мы должны привести твою маму. Сию же минуту!

– Не надо! – воскликнула Мюмла. – На самом–то деле я вас просто обманула. И вовсе я не больна. Меня не взяли на садовый праздник, потому что я вела себя просто невыносимо, даже маме надоела!

– Зачем же ты нас обманула? – спросил ошарашенный Фредриксон.

– Потому что так интереснее! – отвечала маленькая Мюмла и снова заревела. – Мне ужасно скучно!

– Почему бы нам не отвести ее на этот праздник? – предложил Юксаре.

– А если Мюмла–мама рассердится? – возразил я.

– И вовсе не рассердится! – обрадовалась Мюмла. – Мама обожает иностранцев! И к тому же она наверняка забыла, как плохо я себя вела. Она всегда обо всем забывает!

Мюмла размотала шаль и выбежала из дома.

– Поторапливайтесь! – закричала она. – Король наверняка уже давно начал устраивать сюрпризы!

– Король? – воскликнул я, и у меня вдруг засосало под ложечкой. – Ты хочешь сказать: настоящий король?

– Настоящий, – подтвердила Мюмла. – Самый что ни на есть! Самодержец, самый могущественный король на свете! А сегодня – день его рождения, ему исполняется сто лет.

– Он похож на меня? – прошептал я.

– Нисколько. С какой стати ему походить на тебя? – удивилась Мюмла.

Я пробормотал что–то неопределенное и покраснел. Конечно, я поторопился, высказав такое предположение. Но все–таки...

Подумайте, а что, если... Я чувствовал себя королевской особой. Да, да. Во всяком случае я увижу Самодержца, может, даже поговорю с ним!

В королях есть нечто особенное, нечто величественное, возвышенное, недоступное. Вообще–то я не склонен восхищаться кем–либо (разве что Фредриксоном), но королем можно восхищаться, не роняя своего достоинства. И это приятно.

Мюмла тем временем бежала вприпрыжку по холмам, перелезала через каменные стены.

– Послушай–ка, – сказал Юксаре, – для чего вы понастроили эти стены? Вы что, запираете кого–нибудь или запираетесь от кого–то?

– Еще чего, да их просто так понастроили, – отвечала Мюмла. – Подданным королевства нравится строить стены, потому что тогда можно брать с собой еду и устраивать пикники... Мой дядя по материнской линии построил стену в семнадцать километров! Вы бы удивились, если бы познакомились с моим дядей, – весело продолжала она. – Он изучает все буквы и все слова слева направо и наоборот и носит их с ними, пока точно не уверится, что хорошенько выучил их. А если слова очень длинные и заковыристые, то он изучает их целыми часами.

– Например, такие, как "гарголозумдонтолг!" – подсказал Юксаре.

– Или "антифилифренсконсумция", – сказал я.

– О–о–о! – воскликнула Мюмла, – возле таких длинных слов ему пришлось бы разбить палатку! По ночам он закутывается в свою длинную рыжую бороду. Одна половина бороды – одеяло, а другая половина – матрац. Днем у него в бороде живут две маленькие белые

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

мышки, им не приходится платить за квартиру, потому что они такие хорошенькие!

– Прошу прощения, – сказал Шнырек, – но мне кажется, что она опять дурачит нас.

– Мои сестры и братья тоже так думают, – хихикнула Мюмла. – Их у меня четырнадцать или пятнадцать, и все они думают то же самое. Я старшая и самая умная. Но вот мы и пришли. Теперь скажите маме, что это вы заманили меня сюда.

– А как она выглядит? – спросил Юксаре.

– Она кругленькая, – отвечала маленькая Мюмла. – У нее все круглое снаружи и, наверное, внутри тоже.

Мы стояли перед высоченной стеной из булыжника, ворота ее были увешаны гирляндами. А наверху висел плакат:

САДОВЫЙ ПРАЗДНИК САМОДЕРЖЦА!
ВХОД СВОБОДНЫЙ!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!
БОЛЬШОЕ ТОРЖЕСТВО ПО
СЛУЧАЮ НАШЕГО СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ!
НЕ ПУГАЙТЕСЬ, ЕСЛИ
СЛУЧИТСЯ ЧТО-НИБУДЬ УДИВИТЕЛЬНОЕ!

– А что случится? – спросил Клипдасс.

– Что угодно, – ответила Мюмла. – И это самое интересное.

Мы вошли в сад. Он был дикий, заросший, какой-то небрежно буйный.

– Извините, а дикие звери здесь водятся? – спросил Шнырек.

– Гораздо хуже, – прошептала Мюмла. – Пятьдесят процентов гостей бесследно исчезают! Просто жуть. Ну, я пошла. Привет!

Мы осторожно последовали за ней. Дорога извивалась меж густых кустов и была похожа на длинный зеленый туннель, наполненный таинственным полумраком...

– Стойте! – воскликнул Фредриксон, наострив уши.

Дорога обрывалась у пропасти. А внизу, в расселине (нет, об этом просто страшно говорить), висело и тарщило на нас глаза что-то мохнатое с длинными шевелящимися ногами... Это был огромный паук!

– Ш-ш-ш!.. Поглядим, злой ли он, – прошептал Юксаре и бросил вниз несколько маленьких камешков.

Тогда паук замахал ногами, словно ветряная мельница крыльями, и завертел глазами (ведь они у него крепились на стерженьках).

– Да он ненастоящий! – изумился Фредриксон. – Ноги-то из стальной спирали! Хорошо сделан.

– Извините, но, по-моему, так шутить не годится, – сказал Шнырек. – На свете и без того хватает страшного и опасного!

– Ах, эти иностранцы! – вздохнул Фредриксон и пожал плечами.

Я был глубоко потрясен, не столько пауком, сколько вовсе не королевским поведением Самодержца.

У следующего поворота тоже висел плакат.

ТЕПЕРЬ-ТО УЖ ВЫ ИСПУГАЕТЕСЬ! –

обещал он.

"Как может король ребячиться таким образом? – взволнованно подумал я. – Это несолидно, если королю сто лет! Ведь нужно дорожить восхищением своих подданных. Нужно внушать уважение!"

Тут мы подошли к искусственному озеру и стали пристально разглядывать его.

У берега стояло несколько корабликов, украшенных флагами Самодержца. Над водой склонились приветливые деревья.

– Вот это да! – пробормотал Юксаре и забрался в ярко-красный кораблик с голубыми поручнями.

Не успели мы доплыть до середины озера, как король устроил нам еще один сюрприз. Рядом с корабликом забила сильная струя воды, которая хорошенько нас окатила. Вполне понятно, что Шнырек закричал от страха. И прежде чем мы доплыли до берега, нас окатило четыре раза, а на берегу висел еще один плакат, утверждавший:

А ТЕПЕРЬ ВЫ НАВЕРНЯКА ХОРОШЕНЬКО
ПРОМОКЛИ!

Я совершенно растерялся, мне было очень стыдно за короля.

– Станный садовый праздник, – пробормотал Фредриксон.

– А мне он нравится! – воскликнул Юксаре. – Видно, что Самодержец симпатичный. Он совсем не чванится!

Я выразительно взглянул на Юксаре, но сдержался и не сказал ничего.

Мостики, по которым нам предстояло перейти через целую систему каналов, были или сломанные, или склеенные из картона. Нам приходилось также идти по гнилым стволам деревьев, по висячим мостикам, сделанным из старых шнурков и обрывков веревки. Однако ничего особенного с нами не случилось, не считая того, что Клипдассу пришлось постоять на голове, но это, судя по всему, только взбодрило его. Вдруг Юксаре воскликнул:

– Ха-ха! На этот раз они нас не проведут!

Он подошел к большому чучелу быка и похлопал его по морде. Можете себе представить наш ужас, когда бык, издав дикий рев, выставил рога (к счастью, обмотанные тряпкой) и с такой силой отшвырнул Юксаре, что тот, описав красивую дугу, упал на розовый куст.

И тут мы, к нашей досаде, обнаружили, конечно, новый плакат, с триумфом сообщавший:

ЭТОГО ВЫ НИКАК НЕ ОЖИДАЛИ!

На этот раз я решил, что Самодержец все же не лишен чувства юмора.

Постепенно мы стали привыкать к сюрпризам. Мы забирались все дальше в дремучий сад короля. Мы продирались сквозь густые заросли, нам встречались всевозможные укромные местечки, мы шли под водопадами и над пропастями с искусственными кострами. Однако король придумал для своих подданных не только западни и страшилищ на стальных пружинах. Если хорошенько поискать под кустами, в расселинах и дуплах, можно было найти гнезда с раскрашенными и позолоченными яйцами. На каждом яйце была красиво выведена цифра. Я нашел яйца с номерами – 67, 14, 890, 223 и 27. Это была королевская лотерея. Вообще-то я не люблю лотереи, потому что ужасно расстраиваюсь, если не выигрываю, но искать яйца мне понравилось. Больше всех нашел Клипдасс, и нам стоило больших трудов уговорить его не грызть их, а побережь до раздачи выигрышей. Фредриксон занял почетное второе место, за ним шел я, а под конец – Юксаре, слишком ленивый, чтобы искать, и Шнырек, который искал бессистемно и беспорядочно.

И тут мы наткнулись на длинную пеструю ленту, привязанную бантиками к деревьям. Большой плакат сообщал:

СЕЙЧАС ВАМ БУДЕТ УЖАСНО ВЕСЕЛО!

Послышались радостные возгласы, выстрелы и музыка: в центре сада веселье было в самом разгаре.

– Я, пожалуй, останусь здесь и подожду вас, – опасливо сказал Клипдасс. – Похоже, там слишком шумно!

– Ладно, – разрешил Фредриксон. – Только смотри не потеряйся.

Мы остановились на краю большой зеленой лужайки, где собралась целая толпа подданных короля. Они катались с горок, кричали, пели, кидали друг в друга шарики-хлопушки и ели сахарную вату. Посреди поляны стояло круглое строение, а на нем много белых лошадей с серебряной упряжью. Сооружение крутилось, изнутри доносилась музыка, а на крыше развевались флажки.

– Что это такое? – восхищенно воскликнул я.

– Карусель, – ответил Фредриксон. – Я делал чертеж такой машины и показывал тебе, разве ты не помнишь?

– Но чертеж выглядел совсем по-другому. Ведь здесь лошади, серебро, флажки и музыка.

– И подшиппики, – сказал Фредриксон.

– Не угодно ли господам соку? – спросил рослый хемуль в нелепом переднике (я всегда говорил, что у хемулей абсолютно нет вкуса).

Он налил нам по стакану сока и многозначительно шепнул: – Вам нужно поздравить Самодержца. Сегодня ему исполняется сто лет!

Со смешанным чувством взял я стакан и обратил свой взор на трон Самодержца. Что я испытал при этом? Разочарование. А может быть, облегчение? Момент, когда глядишь на трон, торжественный и важный. У каждого тролля должно быть то, на что он может смотреть снизу

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

вверх (и, разумеется, то, на что он смотрит сверху вниз), то есть нечто, вызывающее благоговение и благородные чувства. И что же я увидел? Короля в короне набекрень, короля с цветами за ухом, короля, хлопавшего себя по коленкам и так сильно отбивавшего ногой такт, что трон от этого качался. У трона стояла туманная сирена, в которую король трубил каждый раз, когда хотел обратиться к кому-нибудь из подданных. Нужно ли говорить, что я был ужасно смущен и удручен.

Когда туманная сирена наконец умолкла, Фредриксон сказал:

– Имею честь поздравить. С первым столетием.

Я тут же сделал салют хвостом и сказал не своим голосом:

– Ваше величество Самодержец, позвольте пришельцу из дальних стран принести вам свои поздравления. Этот миг я запомню надолго!

Король удивленно уставился на меня и захихикал:

– Ваше здоровье! Вы промокли? Что сказал бык? Не собираетесь ли вы утверждать, что никто из вас не свалился в бочку с сиропом? Ах, до чего же весело быть королем!

Тут королю надоело говорить с нами, и он опять принялся трубить в туманную сирену.

– Эй, верные мои люди! – закричал он. – Да пусть же кто-нибудь остановит эту карусель. Спешите все сюда. Сейчас будут раздаваться выигрыши!

Карусели и качели остановились, и все сбегались к королю.

– 701! – выкрикнул король. – У кого 701?

– У меня, – сказал Фредриксон.

– Пожалуйста! Пользуйтесь на здоровье! – сказал Самодержец и протянул ему прекрасную механическую пилу, точно такую, о какой Фредриксон давно мечтал.

Король выкликал новые номера, подданные выстроились у трона длинной вереницей, смеясь и болтая. Все от мала до велика выиграли что-нибудь. Все, кроме меня.

Юксаре и Шнырек сложили свои выигрыши в ряд и принялись их тут же уничтожать, ведь это были главным образом шоколадные шарики, марципановые хемули и розы из сахарной ваты. А у Фредриксона на коленях лежала целая груда полезных и неинтересных вещей, большей частью это были инструменты.

Под конец Самодержец сошел с трона и крикнул:

– Дорогие мои! Дорогие мои бестолковые, шумливые, неразумные подданные! Вы получите то, что вам больше всего подходит, и ничего другого вы не заслуживаете! Наша столетняя мудрость подсказала Нам спрятать яйца в тайниках трех типов. Первые мы устроили в таких местах, где можно запросто споткнуться. Это для тех, кто носится без толку, туда-сюда и вдобавок слишком ленив, чтобы искать, – и это выигрыши съедобные. Вторые – для тех, кто ищет спокойно, методично и рассудительно. Это выигрыши, с помощью которых можно что-нибудь мастерить. Ну, а третьи – тайники для искателей с фантазией, кто не любит ничего полезного. Слушайте же, дорогие мои неисправимые, неразумные подданные! Кто из вас искал яйца в самых причудливых тайниках? Под камнями и в ручьях? В верхушках деревьев и в цветочных бутонах? В своих собственных карманах или в муравейниках? Кто нашел яйца с номерами 67, 14, 890, 999, 223 и 27?

– Я! – закричал я с такой силой, что невольно подпрыгнул, и почувствовал, что краснею.

А кто-то тоненьким голоском пропищал:

– У меня – 999!

– Иди сюда, бедняга тролль, – поманил меня Самодержец. – Вот тут самые бесполезные призы. Это для фантазера. Тебе навится?

– Ужасно нравится, Ваше величество, – сказал я, задыхаясь от волнения, и уставился как зачарованный на свои призы, 27-й был положительно лучше всех: на подставке из коралла возвышался маленький трамвайчик из пенки. На передней платформе второго вагона был маленький футлярчик для английских булавок. Номер 67 выиграл ложку для коктейля, украшенную гранатами. Кроме того, я выиграл зуб акулы, законсервированное колечко дыма и искусно украшенную ручку от шарманки. Можете ли вы представить себе, как я был счастлив? Можете ли вы понять, дорогие читатели, что я почти простил Самодержцу его недостаточно королевскую внешность и решил, что он все-таки довольно неплохой король?

– А как же я? – воскликнула Мюмла (ведь это, разумеется, ей достался выигрыш под номером 999).

– А тебе, Мюмлочка, я позволю поцеловать Нас в носик.

Мюмла вскарабкалась Самодержцу на колено и чмокнула его в старый нос, а народ в это время кричал "ура!", радуясь своим выигрышам.

Это был грандиозный садовый праздник! Когда стало смеркаться, в парке Сюрпризов повсюду зажглись цветные фонарики, начались танцы, игры, шуточные схватки и состязания. Самодержец раздавал воздушные шары, открывал огромные бочки яблочного сока, повсюду горели костры, и подданные варили суп и жарили колбасу.

Слоняясь в толпе, я вдруг увидел большую мюмлу, которая, казалось, вся состояла из шариков. Я подошел к ней, поклонился, извинился и сказал:

– Вы, случайно, не Мюмла-мама?

– Она самая, – сказала Мюмла-мама и засмеялась. – Надо же, как я объелась! Жаль, что тебе достались такие странные призы!

– Странные? – воскликнул я. – Есть ли на свете что-нибудь лучше бесполезных призов? – И тут же вежливо добавил: – Разумеется, вашей дочери достался главный приз.

– Это делает честь нашей семье, – с гордостью согласилась Мюмла-мама.

– Значит, вы больше не сердитесь на нее? – спросил я.

– Сержусь? – удивилась Мюмла-мама. – За что? У меня на это нет времени! Восемнадцать, нет, девятнадцать детей, и всех надо умыть, уложить, раздеть, одеть, высморкать, утешить и еще морра знает что! Ах, юный друг, мне некогда огорчаться!

– И потом, у вас такой удивительный брат, – продолжал я.

– Брат? – переспросила Мюмла-мама.

– Да, дядя вашей дочери по материнской линии, – пояснил я. – Который спит, завернувшись в свою рыжую бороду (хорошо, что я еще не сказал ничего про мышей, живущих в его бороде).

Тут Мюмла-мама захохотала во все горло:

– Ну и дочка у меня! Она тебя обманула. Насколько мне известно, у нее нет никакого дяди по материнской линии. Ну пока, я пойду кататься на карусели.

И, собрав в охапку столько детей, сколько смогло уместиться в ее мощных руках, Мюмла-мама уселась в одну из красных карет, которую везла серая в яблоках лошадь.

– Удивительная мюмла! – заметил Юксаре с искренним восхищением.

Верхом на карусельной лошади сидел Шнырек, и вид у него был очень странный.

– Как дела? – крикнул я. – Ты что такой невеселый?

– Почему? – пробормотал Шнырек. – Я веселюсь изо всех сил. Только от этого кружения мне что-то не по себе! Как жалко!

– А сколько раз ты прокружился?

– Не знаю, – жалобно сказал Шнырек. – Много! Очень много! Извините, но я должен... Может, мне больше никогда не придется кататься на карусели... Ах, вот она опять начала кружиться!

– Пора идти домой, – сказал Фредриксон. – Где король?

Самодержец был крайне увлечен катанием с горки, я мы незаметно ушли. Остался только Юксаре. Он объяснил, что они с Мюмлой-мамой решили кататься на карусели до самого восхода солнца.

На самом краю лужайки мы нашли Клипдасса, зарывшись в мох, он уже засыпал.

– Привет! – сказал я. – Ты что, не собираешься получать свои выигрыши?

– Выигрыши? – заморгал глазами Клипдасс.

– Да ты же нашел дюжину яиц.

– Я их съел, – застенчиво сказал Клипдасс, – ведь мне нечего было делать, пока я вас ждал.

Я долго гадал, что же выиграл Клипдасс и кто забрал его выигрыши. А может быть, Самодержец приберег их для своего следующего столетнего юбилея?

Муми-папа перелистнул страницу и сказал:

– Шестая глава.

– Подождите немного, – попросил Снусмумрик. – Моему папе что – нравилась эта круглая Мюмла?

– Еще бы! – отвечал Муми-папа. – Они носились повсюду вдвоем и хохотали, когда надо и не надо.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Она нравилась ему больше, чем я? – спросил Снусмумрик.

– Но ведь тогда тебя еще не было, – объяснил Муми-папа.

Снусмумрик фыркнул. Он надвинул шляпу на уши и уставился в окно.

Взглянув на него, Муми-папа поднялся, подошел к угловому шкафу и долго рылся на верхней полке. Вернувшись, он положил перед Снусмумриком длинный блестящий акулий зуб.

– Я тебе его дарю. Твоему папе он очень нравился.

Снусмумрик с одобрением взглянул на акулий зуб.

– Хороший... Я повешу его над своей кроватью. А папа сильно ушибся, когда бык швырнул его в тот розовый куст?

– Да нет, – улыбнулся Муми-папа. – Юксаре был мягкий, как кот, и потом рога быка ведь были обвязаны тряпкой.

– А что стало с другими призами? – спросил Снифф. – Трамвайчик стоит в гостиной под зеркалом, а остальные где?

– Шампанского у меня никогда не было, – задумчиво сказал Муми-папа. – Поэтому ложка до сих пор лежит в ящике кухонного стола. А колечко законсервированного дыма постепенно с годами растаяло.

– А где искусно украшенная ручка шарманки? – насторожился Снифф.

– Что ж, – сказал Муми-папа. – Если бы я знал, когда у тебя день рождения! Но твой папа так и не обзавелся календарем.

– Но ведь есть же именины! – взмолился Снифф.

– Хорошо, ты получишь в день своих именин загадочный подарок, – пообещал Муми-папа. – А теперь помолчите, я буду читать дальше.